

Е. С. Штейнер

Научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

DOI 10.34887/PV.2023.91.89.006

КИТАЙСКИЕ СТИХИ ИККЮ: ОТ МЕДИТАЦИИ ДО ГУЛЯНОК

В Festschrift лучшему в России знатоку китайской поэзии приличествует дать текст о китайской поэзии. Но я могу написать только о не настоящей китайской, а японской на китайском языке — т. е. не вполне классической с точки зрения литературных норм языковой метрополии. Возможно, впрочем, что это и не совсем прилично: камбунная поэзия лежит на периферии не только центра синосферы, но и моих собственных интересов. Несмотря на долгое по времени с ней знакомство, совершенно свободно я в ней себя не чувствую, да и складно переводить не всегда выходит. Посему подношу сей текст Марине Кравцовой с сугубой трепидацией.

Для публикации выбраны несколько стихотворений Иккю Содзюна (一休宗純, 1394—1481) — японского монаха, поэта (писавшего стихи по-китайски и по-японски), художника, каллиграфа, наставника всех ведущих деятелей культуры своего времени, высокого иерарха под конец жизни, и всю жизнь — иконоклеста, вольнодумца и трикстера. Стихотворения не связаны в единый цикл, но представляют собой подборку тем и настроений, характерных для Иккю. Перевод, насколько мне удалось, точен и ритмизован, хотя не везде это получилось так, как могло бы быть. Стихи входят в «Кёунсю» (狂雲集 «Собрание [стихотворений монаха] Безумное Облако»). Переводы даются по научной публикации в двух томах и сопровождаются обозначением КУС (КёУнСю) с указанием номера стихотворения¹.

* * *

ДАРУМА ЛИЦОМ К СТЕНЕ

不面昔誰
知壁日人
積功神王
雪成光運
滴無侍問
庭面少安
深目林心

面
壁
達
磨

Кто надеяться может
что сердца покой без брани доступен?
Духовный Свет минувших дней
заполнил Малую Рощу.
Сидя лицом к стене,
станешь без глаз и лица.
Не зная даже, что снег
глубокий укрыл весь двор. (КУС 152)

¹ Иккю-осё дзэнсю. (一休和尚全集 / Полное собрание сочинений Иккю /). Токио, 1997. Т. 1—2 (Т. 1: 平野宗浄編著 Ред. Хирано Содзё; Т. 2: 蔭木英雄編著 Ред. Кагэки Хидзё).

Название «Мэньпэки Дарума» («Дарума лицом к стене») является собой популярное выражение, обозначающее полулегендарного первого патриарха чань-буддизма Бодхидхарму, сидящего во время медитации лицом к стене (девять лет, согласно преданиям). Выражение *мэньпэки* 面壁 восходит к тексту основателя школы Тяньтай в Китае Чжи-и (智顛, 538—597). В своем сочинении по медитации «Мо хэ чжи гуань» (摩訶止觀 «Великое сосредоточение и озарение», яп. «Мака сикан») он применил это сочетание иероглифов. «Д у х о в н ы й С в е т» (神光 кит. Шэнь-гуан, яп. Дзинкō) — монашеское имя будущего ученика Дарумы Да-цзу Хуй-кэ (大祖慧可, 487—593, яп. Тайсо Эка). Согласно «Цзин дэ чуань дэн лу» (景德傳燈錄 «Записи о передаче пламени годов Цзин-дэ», яп. «Кэйтоку дэнто року», 1004), его мать забеременела им в результате того, что некое странное сияние (или свет — *и гуан* 異光) озарило ее дом. Родившегося мальчика назвали Гуан (光 «Свет» или «Сияние»). Впоследствии, когда он стал монахом, Гуану было видение некоего духа (*шэньжэнь* 神人), который повелел ему идти учиться у Бодхидхармы. Соответственно, Гуан изменил свое имя на Шэнь-гуан, а Дарума, по принятии его в ученики, дал ему имя Хуй-кэ. Но перед этим Гуан пришел в обитель Дарумы Шаолинь и стоял преданно, наполовину занесенный снегом, три дня, пока Дарума, обращенный к стене, не соблаговолил повернуться к нему. Впоследствии эта история попала в анналы с другими персонажами: к философу Чэн И (程頤, 1033—1107) пришли два ученика Ян Ши (楊時, 1035—1135) и Ю Цзо (遊酢, 1053—1123) и терпеливо ожидали перед входом в дом, пока наставник не проснется, а снегу меж тем намело больше, чем на целый *чи* (33 см). С тех пор существует выражение *чэн мэн ли сюэ* (程門立雪 «стоять в снегу у ворот Чэна»), означающее упорство взыскующего духовных благ. Это стихотворение было изначально написано на картине художника Сога Дасоку с изображением Дарумы, которая хранится в музее префектуры Окаяма (г. Окаяма) ¹.

* * *

РЫБАЛКА НА ОСЕННЕЙ РЕКЕ

一蒲水清
竿葉宿時
帶蘆生有
雨花味獨
暮半伴是
江零白漁
秋落鷗舟

秋
江
釣

Чистые часы возвышенного вкуса
протекли в рыбацкой лодке.
В водном жилище прошла вся жизнь —
в компании лишь белых чаек.
Листья камыша и цветы тростника
увяли и вполвину опали.
Одинокий удильщик, объятый дождем,
в сумерках на осенней реке. (КУС 803)

¹ См.: *Soga Dasoku* 曾我蛇足 // *Nihon Bijutsu Kaiga Zenshū* 日本美術絵画全集. Vol. 3. Tokyo, 1980. Илл. 41.

Одинокий рыбак на дождливой реке.
Художник Боккэй. Надпись Иккю. Бумага, тушь, подцветка. 89.4×34.0 см.
Синдзюан, монастырь Дайтокудзи, Киото

Это стихотворение Иккю написал на свитке с одиноким рыбаком, почти не видимым в размытом пейзаже. Художником был Сога Боккэй (曾我墨溪 ?—1473), один из основателей школы Сога и близкий последователь Иккю. В «Кёунсю» есть несколько стихотворений на тему идиллической жизни на реке — о томительной усладе одинокого покачивания в никуда не плывущей лодке, окутанной сумерками и мелким дождем. В китайской поэзии и живописи мотив одинокого рыбака был весьма популярен: достаточно вспомнить Ма Юаня (馬遠, 1160—1225) с его свитком «Одинокий рыбак на зимнем озере» (Национальный музей, Токио, 1195). А в Японии жить в потоке зыбкого и текучего мира (*укиё*) станет основным принципом жизни в эпоху Эдо.

* * *

ЖИВУЩИЙ В ГОРАХ МОНАХ
СЛУШАЕТ ВЕТЕР В СОСНАХ

長工一何
松案箇須
風公住臨
静夫山濟
罷了畢德
参後十年
眠後年禪

山
居
僧
聽
松
風

Кому надобен Дзэн
Риндзая и Токусана?
Я провел одиноко
в горах тридцать лет.
После того как
осилил коаны,
Под долгие в соснах ветра
я засыпаю спокойно.

Это стихотворение Иккю написал на свитке, на коем он изобразил сидящего под утесом монаха на фоне нескольких сосен. Подписался он так: «Гость в воротах Драконова Сокровища Восточного моря чистый Иккю». Драконово Сокровище (*рюхо*) — это монастырь Дайтокудзи. Иккю заявляет, что он там всего лишь гость, а фактически — странник. В конце жизни он станет настоятелем этого монастыря и отстроит его заново после разрушений смуты годов Онин (1467—1477). Р и н д з а й (臨濟, 810/815—866/867, кит. Линь-цзи) и Т о к у с а н (徳山, 782—865, кит. Дэ-шань) — два великих мастера чань эпохи Тан (618—907). От первого ведет начало основная школа японского дзэн, к коей Иккю принадлежал сам. Но преклонению перед авторитетами он подвержен не был. «Т р и д ц а т ь л е т в г о р а х» нельзя, разумеется, понимать буквально. Во-первых, Иккю в своей бродяжьей жизни жил то в горах, то в городе, а кроме того, он, вероятно, использовал это сочетание иероглифов (住山三十年) из жизнеописания чанского мастера эпохи Сун (960—1279) Цы-мин Чу-юаня (慈明楚圓, 956/957—1039/1040), которое он мог прочесть в книге «Чань лин сэн бао чжуань» (禪林僧宝傳 «Предания о жизни драгоценных монахов из чаньского леса», яп. «Дзэнрин сббб дэн», 21-й том).

Живущий в горах монах слушает ветер в соснах. Рисунок и каллиграфия Иккю. Бумага, тушь. 76.8×32.0 см. Музей искусств Кливленда. Paper, ink. © The Cleveland Museum of Art. Mr. and Mrs. William H. Marlatt Fund 1985.89.

* * *

АСКЕЗА ШАКЬЯМУНИ

天信苦六
下道行年
衲無是飢
僧天仏寒
飯然祖徹
袋釈玄骨
子迦旨髓

苦
行
釈
迦

Шесть лет в голоде и на холоде,
пробирающем до мозга костей.
Аскеза — это Будды-основателя
сокровенный смысл.
Нет тех, кто следует истинному пути
природы, как Шакьямуни.
Под небесами эти малые в монашеских рясах
лишь [ходячие] мешки с рисом. (КУС 153)

Это стихотворение Иккю написал на картине авторства художника Боккэя с изображением Шакьямуни, царевича Гаутамы, еще не ставшего просветленным Буддой и проходящим через мучительную аскезу. Вероятно, эти мучения плоти и духа сопровождали и самого Иккю в его монашеском борении. В последней строке содержится выражение *хантайсу* (飯袋子, «[ходячий] мешок с рисом»). Можно добавить еще слово «малый» — в смысле «парень»). Это выражение встречается в 15-м коане «Мумонкана», который называется «Юнь-мэнь прощает Дун-шаню три порции плюх» (яп. «Уммон сантомбо»). Вот его пересказ: «Как-то к учителю Юнь-мэню пришел Дун-шань. Юнь-мэнь спросил: "Откуда ты пришел?" — "Из Чаду". — "В какой обители ты проводил лето?" — "В Баоцзы, что в Хунани". — "Когда ты оттуда ушел?" — "В 25-й день 8-го месяца". На это Юнь-мэнь сказал: "Ты заслужил три порции плюх¹, но я прощаю тебя". На следующий день Дун-шань пришел вновь и спросил с поклоном: "Вчера Вы простили мне шестьдесят ударов, но я до сих пор не понял, в чем я провинился". — "Тебе бы как раз в Цзянси и в Хунань, [ходячий ты] мешок для риса", — отвечивал Юнь-мэнь, и тут Дун-шань сподобился просветления». История эта весьма известна, но однозначному толкованию поддается, как и подобает коану, плохо — даже с комментарием У-мэня. Скорее всего, Юнь-мэнь (雲門, 852/864—949) имел в виду беспутные мотания Дун-шаня по стране. Впрочем, этот Дун-шань Шоу-чу (洞山守初, 910—990) в итоге стал наследником дхармы Юнь-мэня. А в китайском и в японском языках до сих пор существует выражение *сюнō хантай* (酒囊飯袋 «Бурдюк с вином, мешок с рисом», кит. *цзюнан фаньдай*) — так говорят про бездельника и дурака, который только пьет да ест. Напоследок заметим, что именно 15-й коан Иккю решил в 1418 г., когда его озарило первое (малое) сатори, как о том повествует его жизнеописание «Иккю осё нэмпу» (休和尚年譜 «Погодное жизнеописание буддийского монаха Иккю»).

¹ Выражение *сантомбо* 三頓棒 означает три раза по серии в двадцать ударов.

Аскеза Шакьямуни. Художник Боккэй (?). Каллиграфия Иккю. 1458. Бумага, тушь, подцветка. 116.0×53.9 см. Синдзюан, монастырь Дайтокудзи, Киото

* * *

ПО ПРОЧТЕНИИ ДЕЯНИЙ
ДАЙТО-КОКУСИ

第風鸞挑 大
五食輿起 燈
橋水競大 國
辺宿譽燈 師
二無法輝 行
十人堂一 狀
年記前天 末
 題

Вздымайте выше Великий Светильник,
осветите все небеса!
Дворцовые кареты соревнуются за место
перед Залом дхармы.
[А он] питался ветром, жил на воде,
не оставив записок.
Ибо под мостом Пятого квартала
он провел двадцать лет. (КУС 8)

Это стихотворение посвящено мастеру Дайто-кокуси (大燈國師, 1283—1338; что означает «Великий Светильник, Наставник Страны»). Он был одним из предшественников Иккю в линии преемства дхармы Отокан-дзэн (ему принадлежит слог *то* 燈 в этой аббревиатуре). Иккю противопоставляет нищенскую жизнь великого мастера, жившего в неизвестности, бонзам «парадного дзэн», которые собирали помпезную толпу придворных на пышных церемониях в своих монастырях.

* * *

КАРТИНА, ИЗОБРАЖАЮЩАЯ АРХАТА,
ИДУЩЕГО В БОРДЕЛЬ

柄那姪羅 羅
子辺坊漢 漢
工非遊出 遊
夫矣戲塵 姪
魔那也無 坊
仏辺多識 囟
情是情情

Ушедший от пыли архат —
нет у него страстной природы.
Гулящая девка из дома любви
имеет много страстей.
Кто из них плох?
А который хорош?
Монаху для духовного делания
что лучше — Будды
иль демонов страсти? (КУС 254)

Здесь Иккю размышляет о природе страсти, повторяя в конце трех строк из четырех иероглиф 情 (*дзё* или *сэй*), который означает «страсть», «эмоции», «чувства». Через «духовное делание» — выражение из православного святоотеческого обихода, мы так переводим *кофу* 工夫.

К этому стихотворению в «Кёунсю» есть парное. Оно уже было переведено в нашей книге «Дзэн-жизнь: Иккю и окрестности»¹, приведем его еще раз с дополнительными комментариями к обоим.

失深一出 却咲入塵 少文姪羅 年殊坊漢 風唱堯遠 流楞大仏 事巖智地	Ушедший от пыли мирской архат от края Будды далек. А однажды войдет к куртизанкам в дом и великую мудрость найдет. Я потешаюсь вовсю над Мондзю, читающим сутру «Рёгон» — Ведь ушли далеко уже удовольствия юных лет. (КУС 255)
--	--

Здесь Иккю вспоминает историю про ученика Будды Ананду (яп. Анан), не совладавшего однажды с плотскими помыслами и зашедшего к гетере. Собственно, он был даже не виноват — порочная женщина якобы сама затащила его своими чарами (заклинаниями «религии Капила»). Но бодхисаттва мудрости Манджушри (яп. М о н д з ю), проведая про то, прочел контрзаклинания и вызволил бедолагу, который прислушался, раскаялся и ушел, как и пришел. Эта история рассказывается в начале сутры «Сурангама» (首楞嚴經 яп. «Сюрёгон-кё») ². Такое отделение чистого от нечистого было для Иккю насильем над своей естественной природой, лишь отворачивающим просветление. В другом стихотворении по поводу Ананды Иккю прямо говорит, что опыт, которого избежал Ананда, был бы отличной «благородной уловкой» (*мёгэ* — здесь он использует выражение из «Речений Линь-цзи», что близко по значению санскритскому *упая*, яп. *хобэн*. КУС 336). И тут возникает интересный момент. Именно с просветлением был связан для Иккю образ архата, стряхнувшего мирскую пыль и грязь — так

¹ Штейнер Е. С. Дзэн-жизнь: Иккю и окрестности. СПб., 2006. С. 91—92.

² Интересно, что именно Манджушри отвращает Ананду от женщины. Напомним, что этот бодхисаттва ассоциировался в Японии с гомосексуализмом. Соответственно, Иккю может потешаться над тем, что гомосексуальные удовольствия (или поветрия — *фурю*) юных монашеских лет для Ананды закончились, но Манджушри тянет его обратно из гетеросексуальных отношений. «Сурангама-сутра» («Сюрёгон-кё») представляет собой текст объемом в десять свитков (частей), посвященный рассуждениям о природе сознания и об эзотерических практиках, ведущих к его (сознания) изменению — в частности, как бороться со всяческими демоническими воздействиями. Ее до сих пор читают по утрам в дзэнских монастырях. Она была переведена на китайский в 705 г. (Ряд ученых считают, что в Индии такой сутры не было, а китайский текст представляет собой компиляцию разных источников и оригинальных философских рассуждений.) Текст: 大正新脩大藏經 Taishō shinshū daizōkyō (Japanese Edition of the Buddhist Canon). Tokyo, 1924—1935. Vol. 19. No 945. Английский перевод: <http://www.cttbusa.org/shurangama/shurangama3.asp>. См. также диссертацию Роналда Эпстайна: Epstein R. PhD Dissertation «The Surangama-sutra with Tripitaka Master Hsuanhua's Commentary an Elementary Explanation of its General Meaning». University of California. Berkeley, 1975.

он написал в своей гатхе просветления, употребив выражение 出塵 «в первый раз»¹. Более того, когда мастер Касо испытывал его и сказал, что для настоящего просветленного состояния необходимо ощущать себя буддхисаттвой, а не архатом, Иккю заносчиво ответил, что быть архатом его совершенно устраивает. Теперь для него настало время умножить саторический опыт: возвращение святого зародыша (*сётэй тэё* 聖胎長養) во время странствий привело Иккю к преодолению идеала архата и, стало быть, избавило от ограничения себя. Над идеалом отстраненного от мира архата Иккю демонстративно смеялся.

* * *

ЛУННОЮ НОЧЬЮ ВО ВРЕМЯ ДОЛГОЙ
ДРЕМЫ Я УСЛЫШАЛ БОКУСИЦУ,
ИГРАЮЩЕГО НА СЯКУХАТИ

長一村良 室月
睡聲田夜 尺夜
枕尺舞秋 八長
頭八樂天 有睡
愁萬鼓新 感聽
夢行喧月 睦
驚淚鳴明

В ночном осеннем небе
яркий новый месяц.
Деревенских плясок и песен
доносится стук и гам.
Вдруг мелодия сякухати
прорезала весь этот шум,
И резко стряхнула с меня
тягучий осенний сон.

(Иккю токусю². № 956. С. 51)

Здесь соединяются мотивы простонародного веселья в отдалении и одиноких печальных дум. Видимо, экзистенциальное одиночество в духе *ваби* неизбежно, даже если рядом близкие люди. Например, мастер чая Дзякуан Сётаку 寂菴宗沢 писал в трактате «Дзэнтя року» (禪茶録 «Записи о дзэнском чае»; опубликован в 1828 г.): «*Ваби* означает испытывать недостаток, находиться в ситуации вопреки нашим желаниям, быть в огорчении»³. Комментируя это высказывание, можно заметить, что *ваби* — это сладкая растрата от ущербности и несовершенства, при которой совершенства и полного достатка-довольства и не хочется, а хочется культивировать в себе возвышенную горечь сирости.

¹ Токай Иккю-осё Нэмпю (東海一休和尚年譜 Хроника жизни преподобного Иккю из Восточного Моря / Сост. учеником Иккю Бокусаем). Цит. по кн.: *Имаидзуми Ёсио*. Иккю-осё нэмпю 今泉淑夫. 一休和尚年譜. Токио, 1998. Т. 2. Год 1420.

² *Иккю токусю* (一休特輯 / 伊藤敏子編著 Иккю, отдельный выпуск / Ред. Ито Тосико). Нара, 1964.

³ Цит по кн.: *Haga Kōshirō*. The Wabi Aesthetic Through the Ages // Tea in Japan: Essays on the History of Chanoyu / Ed. Paul Varley and Kumakura Isao. Honolulu, 1989. P. 195.

* * *

СНЕГ

杜風天梅
 甫流花萼 雪
 窓自盈無
 前愛尺香
 西寒夜竹
 嶺儒沈有
 吟意々音

Бутонов сливы аромат не слышен,
 тихонько бамбук шелестит.
 Небесных снежинок лежит по колено,
 и глубокая ночь вокруг.
 Атмосфера *фурю*... я люблю
 настроение бедного книжника —
 Так Ду Фу сидел у окна,
 напевая про западные холмы. (КУС 789)

В этом стихотворении передано холодное одиночество зимней ночи — черно-белая гамма и стылая избушка, из окошка которой видны мерцающие в лунном свете заснеженные горы. Здесь Иккю объединяет *ваби с фурю* — многозначным креативным поведением и стилем жизни.

* * *

一奪鷄靈
 朝得足山
 直鴉山密
 入鳴中旨
 仏鵲殘有
 心噪曉誰
 宗境風通

Кто поймет таинственный смысл
 того, что случилось на пике Рэй?
 На горе, где бегали курицы,
 вееет рассветный ветер.
 Терять, получать... вороны кричат,
 да сороки трещат...
 Однажды утром все они
 улетят прямо в мир Будды.

Это стихотворение относится к 1456 г. Тогда Иккю завел ручного воробья (взамен предыдущего, умершего в 1452 г.). Ему он сначала дал имя Кася Дзисся (Сопровождающий Кашьяпу), а потом переименовал в Ёсицу (Комнатный Листок). Когда и этому листку настало время увянуть, Иккю написал поминальный свиток и в его честь¹. Невербальная передача Дхармы Кашьяпе, произошедшая на горе Рэй (Рёджюсэн или санскр. Гридракута, Гора Грифов) уподобляется здесь чириканью птиц.

Уместно здесь отметить, что Иккю питал особое пристрастие к птицам — вероятно, за вольное порханье — и отождествлял себя с ними. Поми-

¹ Хранится в храме Иккю Сюонъан, в г. Син-Танабэ, что к югу от Киото.

мо многочисленных воронов он изображал ласточек в полете, писал в стихах про журавлей и диких гусей. Что до воробьев, то в частной коллекции в Японии имеется его маленький горизонтальный свиток (30,6×42,0 см) с изображением воробушка¹. Крошечная птичка занимает левый нижний угол, за которым видны несколько стеблей тростника, а все остальное пространство представляет собой туманную пустоту. Такой элегической лиричности и теплой трогательности трудно ожидать от резкого Иккю. Но тем-то и важны его немногочисленные зарисовки: они открывают особую грань его натуры, с трудом различимую в стихах и совсем незаметную в преданиях и анекдотах.

* * *

БОККЭЙ, УЧИТЕЛЬ ЖИВОПИСИ

華王曹墨
頂維源漆 墨
夜尽一桶 溪
采力滴中 画
風画水誰 師
月難光敢
清就明盛

Кто это смело черпает
из ведерка черного лака?
На горе Согэн одна капля
воды ярко сияет.
Всю рисовальную мощь О И
[Боккэй] без труда превзошел.
На Цветочном пике Катё ночью
веет ветер и сияет луна. (КУС 703)

Это стихотворение посвящено ближайшему ученику Иккю Боккэю, который был ведущим художником школы Сога. В нем обыгрывается имя «Боккэй» — Долина Туши. «Одна капля» отсылает к патриарху Хуэй-нэну (慧能, 638—713), который жил на горе Цаююань (яп. Согэн; иначе Цаоси, яп. Сёкэй), откуда по каплям растекалось его учение. Тушь, незаметная в сосуде из черного лака, содержит в себе в нераскрытом виде все то, что можно изобразить, — равно как и в одной капле учения Хуэй-нэна о моментальном постижении сути вещей содержится дзэнская истина. О И — это знаменитый художник и поэт Ван Вэй (王维, 701—761), с коим Боккэй лестно сравнивается. Вершина Катё — пик Хуадин на горе Тяньтай. По преданиям, там, пережигая древесную магнолию, делали отличную тушь. Один из 36 холмов в районе Хигасияма в Киото, где было много монашеских хижин, назывался Катё.

¹ Опубликовано в кн.: Сога Дасоку. Нихон бидзюцу кайга дзэнсю (曾我蛇足. 日本美術絵画全集 Полное собрание японской живописи). Токио, 1980. Т. 3. № 67.

* * *

ХВОРОСТЯНАЯ ХИЖИНА

瓊稼趙枝
 樓穡州蔓
 玉艱老相
 殿難漠牽
 是摠說如
 何不真來
 物知仏禪

柴屋

Лианы и ветви обвили
 созерцающего Татхагату.
 Почтенный Дзэсью
 проповедует сущего Будду.
 Сажает и полет — тяжело корпит,
 и он вовсе не знает,
 Что где-то есть залы из яшмы
 и башни в рубинах. (КУС 699)

Это стихотворение называется «Х в о р о с т я н а я х и ж и н а» («Сайоку») — такой поэтический псевдоним (точнее, Сайокукэн) Иккю дал монаху Сōтэ (紫屋軒宗長, 1448—1532), известному поэту рэнга и преданному своему ученику. По случаю наречения этого имени он и написал эту гатку. Дзэсью — это китайский мастер Чжао-чжоу Цун-шэнь (趙州從諗, 778—897), который занимался трудом на земле в глуши. Возможно, Иккю вспомнил об этом, усиленно занимаясь постройкой Дайтокудзи. Молодой Сōтэ, пришедший к нему и оставшийся, сравнивается с лианами и ветвями, оплетающими ствол. А первые четыре иероглифа в четвертой строке (про драгоценные дворцы и башни) встречаются в стихах сунского чаньского мастера Цзи-гуна (濟公, 1148—1209), эксцентрика и любителя повеселиться запретыми для рядового монаха способами — вроде самого Иккю.

* * *

НОЧНЫЕ РАЗГОВОРЫ МУКЭЯ

風夜世有
 流々外時
 私鴛道江
 語鴛人海
 一禪名有
 身榻利時
 閑被問山

夢闍
 夜話

Иногда обитаю вдоль рек,
 иной раз брожу по горам.
 Вне дольнего мира вставший на Путь
 проводит всю жизнь.
 Ночь за ночью как уточки-неразлучницы
 на дзэнском ложе,
 Слившись в одно,
 толкуем мы в стиле *фурю*. (КУС 495)

Большое место в стихах Иккю занимает то, что обычно называют любовной лирикой, хотя иные пассажи в них не столь лиричны, сколь откровенно эротичны. На седьмом десятке он взял себе поэтическое имя М у к э й, что означает «грезы о спальне». В предисловии к четырем стихотворениям, подписанным этим псевдонимом, он писал: «Когда кто-то жаждет, он грезит

о воде. Я грежу о спальне, это в моей натуре. Не так давно существовало выражение "Три грезы". Оно подразумевало трех священников — Мусо, Мусу и Муму. Вот и я решил назвать свой домик — Мукэй...» (см.: КУС 802—823).

Вообще-то количество дзэнских сновидцев отнюдь не ограничивается этой троицей — взять хотя бы для примера монаха Муган Соо (夢巖祖 応 Дремотный Утес, ум. 1374) и др. Текст Чжуан-цзы о бабочке был весьма читаем. О реальности сонных видений писали в своих стихах и Дзэккай Тёсин (絶海中津, 1334—1405), и Гидё Сёсин (義堂周信, 1325—1388), эти «две парные яшмы (*sōhэки* 雙璧) литературы *годзан бунгаку*, и другие. Например, об этом много говорил едва ль не главный японский сновидец Мёэ-сёнин (明恵上人, 1173—1232) в своем «Юмэ-но ки» (夢の記 «Дневник сновидений»), который он вел на протяжении тридцати пяти лет. «Грезы о спальне» Иккю вполне переключаются с описанием эротических снов у Мёэ. Чуть позже свой собственный сборник назидательных рассуждений (*кана хёго*) под тем же названием «Юмэ-но ки» оставил мастер Хакуун Эгё (白雲慧暁, 1228—1298), преемник Энни Бэнъэна (圓爾辯圓, 1202—1280) в Тофукудзи. Младший современник Иккю, поэт рэнга Ботанка Сёхаку (牡丹花崗柏, 1443—1527), с 1484 г. использовал поэтический псевдоним Муан (夢庵 Дом Грезы). Тремя годами раньше он построил себе келью под этим названием и написал короткий прозопоэтический текст о своем домике, где говорил о том, что получил в подарок от человека, побывавшего в Китае, каллиграфический китайский свиток с иероглифами *муан*. Текст «Муанки» (夢庵記 «Записки из дома грёз») написан в жанре *сёан бунгаку* («литература травяных хижин»). В сугубо религиозном контексте о снах писал Дёгэн (道元, 1200—1253) в главе «Мутю сэцуму» (夢中説夢 «Объяснение сна во сне») в трактате «Сёбгэндзё» (正法眼蔵 «Сокровищница истинного глаза дхармы»). Он доказывал, что сны более реальны, чем дневная реальность. Буддийская онейрология достаточно разработана¹. Гидё Сёсин писал кроме того о призрачном обиталище, иллюзорной хижине — так (*гэньан*) назвал свой домик его друг художник Гукэй Юэ (愚溪右慧, XIV в.). Кстати, о художниках. Еще Мёэ в начале XIII в. рисовал горные пейзажи, увиденные во сне в своем «Дневнике сновидений». Мотив блаженно-безмятежного сна посреди опасности был весьма популярен в дзэнской живописи. Например, «Второй патриарх, гармонирующий свое сердце» (он делал это, засыпая в обнимку с тигром); «Четверо спящих» Мокуана (默庵, ?—1343/1345) и Канё Таньё (狩野探幽, 1602—1674) — тигр и три китайских чаньских монаха, и др. Иккю при всей его контркультурности, как видно, был плотно вписан в литературно-художественный контекст. Интересно, что у понятия «жизнь-сон, жизнь-иллюзия» есть комплементарная оппозиция «пробуждение» (悟 кит. у, яп. *го*), чаще переводимая как «просветление». Что же касается упомянутого М у м у Иссей (無夢一清, 1305—1368), то его имя означает «Без Сна», и был он настоятелем храма Тофукудзи. Известен также одноименный китайский мастер У-мэн (無夢, XI в.). М у с у — это мастер Мусу Рёсин (夢嵩良真, ум. в 1281), основатель обители Рэйсюдзи, а М у с о —

¹ Общее рассмотрение темы «буддизм и сон» см. в кн.: Faure B. The Rhetoric of Immediacy: A Cultural Critique of Chan / Zen Buddhism. Ptinceton, 1991. P. 209—230.

это знаменитый Мусō Сосэки (夢窓疎石, 1275—1351), основатель храма Тэн-рюдзи.

Переключку на сходную тему (старости и отношений с женщинами) Иккю делал и с китайскими мастерами. Так, одно его стихотворение, датированное 1-м годом Онин (1467, Иккю было 73 года), начинается с длинного предисловия:

Когда Энго-дайси жил в своей Облачной обители, пришла к нему старая женщина и остановилась за воротами монастыря. Го послал ей стихотворение:

君而頭三
底今々十
寬老夜年
兮矣々来
我全講共
底無風一
柔用流頭

Тридцать лет назад мы были вместе.
Голова к голове, ночь за ночью
мы занимались *фурю*.
С тех пор я постарел и стал совершенно негоден.
Твоя слишком широка, а мой слишком мягкий.

Осенью первого года Онин пришли ко мне, в мой горный приток в Такиги, две монахини. Я вспомнил о стихах Энго-дзэнси, сочинил свои и прочел гостям:

秋旧平園
点時生悟
夜話愧雲
来尽我居
猶風笑約
不流鴛老
長事鴛娘

Энго в Облачной обители
общался со старой зазновой.
А я полжизни постыдно
смеюсь над собой, ибо все гуляю гоголем.
Ныне, как и встарь,
мы можем поговорить про *фурю*.
Эта осенняя ночь
Все еще не слишком длинна для нас.
(КУС 649)

Энго-дзэнси — это Юань-у Кэ-цин (圓悟克勤, 1063—1135), составитель сборника коанов «Би янь лу» (碧岩錄 «Речения с лазурного утеса»). «Гуляю гоголем» — в оригинале «как селезень из пары уточек-неразлучниц».

Псевдоним «Мукэй» Иккю соединял и с учением Риндзая. Однажды, глядя на портрет этого китайского мастера, он сочинил:

夜夢三臨

Учение школы Риндзая
кто правильно передаст?

々 閨 玄 濟 對	Три сокровенных принципа
風 老 三 宗 臨	есть у Слепого Осла.
流 納 要 門 濟	Старый монах Мукэй
爛 閨 瞎 誰 画	из спальни любит луну,
醉 中 驢 正 像	Ночь за ночью делает <i>фурю</i>
前 月 近 伝	и пьет не просыхая. (КУС 495)

Уникальный стиль сохранения и передачи трех принципов учения Линь-цзи (臨濟 яп. Р и н д з а й) выражен заостренно-декларативно. Он же в предисловии к «Риндзай року» (臨濟錄 «Речения Риндзая») соединяет передачу дхармы с выражением «слепой осел» (*кацуро*) в качестве метафоры просветленного.

Evgeny Steiner.
Chinese Poems of Ikkyū: From Spiritual to Spree

This publication is a selection of poems of Ikkyū Sojun (1394—1481), a Zen Buddhist monk and distinguished polymath of Medieval Japan. At that time, writing poetry in Chinese language (*kanshi*) was a common practice amongst Sinophilic Japanese literati. Ikkyū's poems dramatically stand out from the major corpus of Chinese verse composed by his contemporaries in their often raw emotions and risqué subjects. This selection represents the panoply of Ikkyū's themes from reflections on his religious experience to revelations on his psychosomatic insights with women.